

Вырезка из газеты

ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ

28 ИЮН 1981

г. Москва

Поэта взгляд НЕПОВТОРИМЫЙ

I.

Ты позвонишь — меня не будет дома.
Какая чушь: нигде не буду я,
лишь по страницам маленького тома
еще метаться будет жизнь моя.

(В. Гаврилин, «Листобой». «Молодая гвардия», М., 1980).

— Алло! Это Виктор Гаврилин? Здравствуйте. Только что прочел «Листобой» и очень хотел бы познакомиться, точнее, поблагодарить вас за доставленную радость...

В ответ — просто, без рисовки:

— Да, конечно, заходите. Когда вас ждать?

В предисловии к книге, написанном известным литературоведом Станиславом Лесневским, читателю сообщалось, что в шестнадцать лет на пути Виктора Гаврилина встал тяжелый недуг («Кто кого...»). Но человек оказался сильнее: Виктор успешно закончил десятилетку в Солнечногорске, а затем заочно Московский институт иностранных языков. С 1965 года поэт приобретает своих первых читателей.

Зная все это, я, естественно, очень волновался. И, конечно, в который раз убедился, что чем выше человек духом, чем сложнее его отношения с миром, тем он деликатнее, проще, оптимистичнее.

— Критики лютуют на нынешнюю поэзию: где, мол, личность, где Пушкин?.. Будто среди них появился Белинский?! Я считаю, что в поэзии никакого застоя нет и быть не может. Она постоянно в развитии, и каждое поколение, если не рождает гения, то творит его образ из золотников вечных строчек. Лучше бы повнимательнее присматривались к молодым, помогали на деле, как, например, Николай Старшинов. Он много говорить не любит, зато делает немало, и я лично очень ему обязан.

Так горячо и увлеченно Виктор может говорить о главном деле своей жизни бесконечно.

— Можно простить некоторые ошибки и просчеты, можно принимать одних и отрицать других, но нельзя забывать, что мы родились после Толстого и Блока, после Горького и Твардовского, наконец. Нам не простят небрежности, равнодушия, пассивности.

Говорить с Виктором непросто — его речь пестрит цитатами из книг наших и зарубежных писателей, некоторых я и не знаю вовсе, многие вещи, над которыми в суете у меня не хватало времени подумать, им проговариваются наполовину, как давно решенные... И я досаую на себя.

Вдруг дверь распахивается и, покрасневшая от быстрой ходьбы и свежего ветра, входит его жена, Нина, сразу заполнив собой всю комнату, как это умеют делать только женщины.

— Мальчишки! Что вы все сидите в духоте? На улице солнце, а они сидят. А ну живо, собирайтесь!

Мы вышли гулять втроем, я немного помогал Виктору управляться с креслом-коляской, Нина рвала одуванчики.

— А ведь я в этом году первый раз на улице. — сказал Виктор, улыбаясь.

II.

...На один из праздников я снова получил приглашение от Виктора и Нины вместе повеселиться, отдохнуть и с радостью согласился. Настоящим украшением вечера стала хорошо подобранная коллекция грампластинок в основном с записями народных русских и украинских песен, а также романсов. Сначала слушали, потом начали легонько подпевать, и, наконец, явилась на свет божий гитара — запели сами. Удивительно, как роднит души русская песня!

Жаль только, что редко поем, слова плохо знаем. Правда, о Викторе этого не скажешь — он и слова знал, и песню чувствовал тоньше, чем остальные. Там, где мы спотыкались и «мычали», особенно было видно, как он понимает песню, как верно выводит каждую ноту. Я невольно вспомнил, что родом он из Сибири и как сын военного объездил пол-России.

—...«Как служил солдат службу верную...».

— Нет, нет! Не то вы поете, — перебил Виктор. — Что вы кричите, когда здесь плакать надо. Девочки — тише и выше. Это же обнаженная боль, тоска вековая русская, настоящая. Давайте сначала!

И он задавал тон, и вел хор за собой, и было хорошо так, что на глаза наворачивались слезы.

Напелись мы до хрипоты. Устали немного и как-то раскрылись. Виктор почувствовал это и начал читать стихи из новой подборки для «Дня поэзии» и новой, готовящейся к изданию книги «Птицы под дождем».

«...Птицы под дождем...» — недоумевал я. Он догадался о моих сомнениях и сказал, что ответ — в стихах. Мир для всех один, но поэт должен видеть его иначе, через себя, растворить его в своей душе и выразить языком образов. Россия — для всех и для каждого, а иначе не может быть ни поэта, ни человека.

III.

И оттого, что нету бога
и сам ты — смертный и ничей,
ты вдруг полюбишь мир не строго,
до самых глупых мелочей.

(«Когда на койке госпитальной...»).

В тот день, возвращаясь от Виктора, я понял, что теперь мне трудно будет обойтись в жизни без его стихов, без внутреннего диалога с ним. Мне будет постоянно не хватать его жизнеутверждающего мироощущения, его влюбленности в то, что не бросается в глаза, но ценно своей неповторимостью. Как мало, оказывается, было во мне того, что называют волей к жизни. А ведь он так же молод, как и я. Герои любимых книг: «Как закалялась сталь», «Повесть о настоящем человеке» — теперь приобрели новые черты, черты моего современника, человека и поэта из подмосковного города Солнечногорска Виктора Гаврилина.

Третья наша встреча состоялась совсем недавно, когда поэт Н. Старшинов и главный редактор издательства «Молодая гвардия» Н. Машовец приехали к Виктору для вручения ему диплома и премии за лучшую книгу молодого писателя, вышедшую в издательстве в 1980 году.

В. САПУНОВ,

студент Литературного института СП СССР.

г. Солнечногорск.